

Василий Иванович Сенкевич

Польша, Естественно-гуманитарный университет в г. Седльце

Феноменология и реальное языкознание

Ключевые слова: феноменальный опыт, слово, действительность, номинация.

Key words: phenomenal experience, word, reality, nomination.

Abstract

The article describes the research of E. Husserl's phenomenological studies with regard to their methodological value for modern linguistics. It reveals the prospects of real linguistics, which studies a word from the phenomenological point of view. It describes native speakers' phenomenal experience, accumulated in the area of nominative derivation and the relevance of apophatic way of comprehending the essence of things for phenomenology of perception.

Нет ничего труднее, чем брать вещи
такими, каковы они суть на самом деле.

В. Гете

1. Языкознание в поисках парадигмы исследования

Современное языкознание находится в поиске новой парадигмы исследования:

W drugiej połowie XX w. w naukach humanistycznych, w tym w językoznawstwie, zarysowała się zmiana paradygmatu, a mianowicie – odcięcie się od strukturalistycznego stylu myślenia na korzyść postmodernizmu. [...] tendencje nowych czasów: pierwszeństwo pragmatyki przed semantyką, czyli swoisty powrót do XIX-wiecznej koncepcji milieu – dominującego nad systemami znakowymi środowiska; karnawalizacja komunikacji społecznej i jako jej przejaw – nasilenie gier językowych; kryzys klasycznej semiotyki oraz semantyki logicznej; fenomenologiczne ujęcie systemów znakowych i in. [Kiklewicz, Dębowski 2008: 8].

В 1927 году в Предисловии к «Философии имени» А. Лосев писал:

Современное русское языкознание влачит жалкое существование в цепях допотопного психологизма и сенсуализма. [...] Приходится поражаться той безграмотностью, наивностью и пошлостью, которой полны всевозможные лингвистические курсы, все эти традиционные «Введения в языковедение» [Лосев 1993: 615].

В 70-е годы XX века профессор В. Журавлев говорил о том, что школа и вузы только и знают, что учить разбирать слова, анализировать предложения, вычленять суффиксы и т.д. [Замдеева 2013: 51]. Однако, «преобладание анализа, – пишет Н. Федоров, – связано с подсознательным и сознательным согласием на смерть. Сама смерть – главный и радикальный анализатор» [Федоров 2003: 16]. Аналитик – «счетно-вычислительный труп» [Булюбаш 2004: 22]. Изучается язык, в котором есть только общее: стол *вообще*, дерево *вообще*, человек *вообще* и т.д. «Но печаль вообще, – отмечает Х. Ортега, – не печальна. Печаль, невыносимая печаль – это та, которую я испытываю в данный момент. Печаль в жизни, а не в обобщенном виде – это тоже нечто конкретное, неповторимое, индивидуальное» [Ортега 1991: 71]. Традиционным языкознанием игнорируется «живое слово живого человека» (М. Бахтин).

«Впрочем, – уверяет А. Лосев, – в русской науке есть одно чрезвычайно важное явление, которое, однако, идет из философских кругов, и я не знаю еще, когда дойдет оно до сознания широкого круга языковедов. Это – **феноменологическое учение Гуссерля и его школы**» (выделено нами – В.С.) [Лосев 1993: 615].

В XXI веке феноменологическое учение «дошло до сознания» языковедов:

Лингвистика XXI в. с полным основанием может быть названа феноменологической лингвистикой или «лингвистикой внутренних форм», сферу интересов которой составляют: глубинные пласты «заязыкового» пространства слова, механизмы соорганизации, соотнесения и взаимосвязи мысли и слова, становление слова-в-мысли (ритор) и мысли-в-слове (риторант), а также механизмы формирования и актуализации «энергийно-смыслового» потенциала слова в дискурсе [Карманова 2014: 231].

В качестве возможной методологической основы лингвистики XXI века предлагается также феноменологическая по сути лингвистическая концепция выдающегося языковеда XIX века В. фон Гумбольдта [Федосюк 2015].

2. Значение учения Э. Гуссерля для языкознания

Оценить и понять значение учения Э. Гуссерля и его последователей для языкознания – значит раскрыть его методологические перспективы. Феноменология имеет отношение к тому, под чем человек «подписывается»

в своих жизненных опытах, т.е. с концептосферой языка. Концепты не даны в готовом виде. Они – продукт творчества, и в этом смысле как бы подписаны; «в гораздо большей степени подписями являются сами концепты» [Делез 1980]. Учение Гуссерля находит опору в феноменальном понятии «*есть*»: «...to wieczne JEST, co ani było, ani będzie, ani może być, niepodległe wolnym wyborom, nieodstępne od najlepszości, nieludzko koniecznie» [Bańkowski 2000: 3]. Слово *есть* не содержит знания, но выражает уверенность в реальности чего-л. (ср.: «*Есть женщины в русских селеньях...*», Н. Некрасов). М. Мамардашвили пишет о слепоте людей перед реальностью: «...одним из моих переживаний (из-за которых я, может быть, и стал заниматься философией) было именно это переживание – слепоты людей перед тем, что есть» [Мамардашвили 1997].

Есть не означает существует. Явление существует независимо и обусловлено, но не *есть*. Существование отличается от бытия своей опосредованностью. То, что есть, непосредственно есть: *дуб есть дерево – он с а м* (без ничего) есть дерево. Это его род, его субстанциональное, то, что не формируется извне, что не сделано. Странно звучало бы определение *бывший* в сочетании с реалиями: **бывший заяц, *бывшая береза*. Не бывает ситуации, когда заяц уже не заяц, а береза уже не береза.

Реальность ориентирована на «как» (*как есть*). Вопросы «*Что это такое?*» и «*Как называется...?*», по сути, взаимно исключают друг друга. Когда акцент с предметного «*что*» переносится на качественное «*как*», то открывается перспектива исследования многообразия способов данности вещи в сознании. Объект с точки зрения его «*как*» не задан, а явлен или являет себя (*erscheint*). Подобного рода «для нас»-явление Э. Гуссерль называет феноменом (греч. *phainomen* – являющее себя) [Новейший... 2003: 1082].

Акцентирование феноменального «как» сопряжено с переходом от выбора к поиску. Выбор – определение одного из возможных вариантов, чаще всего заданных кем-то другим. Субъект, по сути, неосознанно выполняет чужую и, чаще всего, чуждую ему волю. Это способ обусловленного и зависимого существования, лишённого творческого и жизненного начала (*arche*). Однако этос жизненного мира ориентирован на феноменальное «как»: *Как жизнь? Как здоровье? Как сам?*. Этот мир «является пространственно-временным миром вещей, каким мы его воспринимаем до и вне всякой рефлексии» [Husserl 1976: 141].

«Феноменология – это изучение сущностей...» – так определил науку о феноменах М. Мерло-Понти [Мерло-Понти 1999]. Э. Гуссерль называл свою науку «археологией» – интеллектуальными раскопками в области мышления. Для лингвистики важно, что существует не только история языка, но и его археология; ее задача – «докопаться» до сути скрытой («допредикативной») реальности вещей и описать способы ее фиксации в языке. Под «лингвистическим микроскопом», увеличивающим разрешительную способность восприятия, становится доступной «внутренняя

форма языка» (В. фон Гумбольдт) и «внутренняя форма слова» (А. Потебня). Феноменологическая лингвистика как «лингвистика внутренних форм» (З. Карманова) принадлежит к области языковой археологии.

Игнорирование связи человека и языка является существенным недостатком лингвистических исследований, в центре которых не стоит «человек говорящий». М. Бахтин писал о том, что для традиционной лингвистической точки зрения не существуют ни события, ни их живые участники; она имеет дело с абстрактным, голым словом и его абстрактными моментами (фонетическими, морфологическими и др.), поэтому целостный смысл слова и его идеологическая ценность не доступны для этой точки зрения [Бахтин 1979: 234]. Любые попытки исключить человеческую перспективу из языковой картины мира неминуемо ведут к схоластическому знанию о языке.

3. Феноменология и номинативная деривация

Переход от «что» к «как» редуцирует формально-логическую сторону языка. Бессодержательное «как» есть путь, каким феноменальное «нечто» становится для нас доступным. Этим путем следует искусство. Поэт инструментирует смысл интуитивным подбором слов, органическим сочетанием звуков. Творчество не имеет предметно-коммуникативной направленности. «Когда скульпторы мнут глину, когда художники покрывают красками холсты, когда поэты ищут верных слов, чтобы выразить, что им надо, – отмечает В. Брюсов, – никто из них не задается целью передать свои чувствования другому» [Брюсов 1903]. Наслаждение в самом процессе творчества: «Твой труд – тебе награда» (А. Пушкин).

А. Потебня понимал язык как «способность выражать понятия членораздельными звуками». Слово первоначально создавалось не для общения между людьми, а для уяснения себе своей мысли. Первобытный человек давал предмету название, чтобы осмыслить его [Потебня 1993]. Лингвистика XIX века, начиная с В. фон Гумбольдта, трактовала язык общения с его коммуникативной функцией как посторонний. Язык стал средством общего пользования и потерял свою интимность – внутреннюю природу. В своем исходном состоянии язык не был языком-средством, который «влачится по торжищам и рынкам» (А. Фет). Это был язык, обладающий необходимой для творчества непосредственностью, способный воплотить «живую тайну вдохновенья» (А. Фет). «История языка, – пишет К. Аксаков, – должна быть историей его падения. Это подтверждается фактами: чем древнее флектирующий язык, тем он поэтичнее...» [Аксаков 1986: 35]. Слово, которое было в начале (*in arche*), аккумулировало «несказанный» опыт (ср.: *Несказанное, синее, нежное...*; *...тот вечерний несказанный свет*; С. Есенин).

Предикация пытается все объяснить, однако феномены не объясняются, а описываются. «Как?» предшествует «почему?». Феномен – некое целостное восприятие, не нуждающееся в объяснении через что-то другое. Можно объяснить, например, почему N. не носит белое платье (Белый цвет полнит). Но белый цвет ромашки объяснить таким образом невозможно. Ромашка белая, потому что она белая (без «дай-причины», «*bez widocznej przyczyny*»)¹. Стремление человека все объяснить и всему дать определение приводит к *симмуляции* (термин постмодернизма) – тотальному означиванию того, что не имеет значения, но выступает носителем информации и смысла. То, что нельзя объяснить, доступно исследованию, постигающему сущность вещей, и описанию. Это и есть подход феноменологический. Одно дело описать способ, каким вещи существуют в сознании, и совсем другое – объяснить, как, по каким причинам, или при каких условиях это возможно: «Как раз здесь и древний мир, и новое время совершили ошибку: они спутали описание феномена с его объяснением. Если нас спрашивают: Почему Хуан такой странный?» – мы вправе сами спросить: «А кто такой Хуан?» [Ортега 1991: 215]. Феноменологическая наука является дескриптивной, ее материалом служат исключительно данные непосредственной интуиции.

Феномен смысла связан с названием вещи, а не с коммуникативным «казом». Номинации реалий обладают феноменальным фреймовым ореолом: «Русский *волк* – рывок, стремление вперед, которое заканчивается клацаньем зубов, украинский *вовк* сытый и одетый в теплый кожушок, польский *wilk* режет свинью, а белорусский *воўк* воет» [Разанаў 1983: 153]. Название вмещает в себя феноменальный опыт носителей языка, ср.: бел. *бульба*; пол. *ziemniaki*, *bulwa* (обл.); рус. *картофель*; укр. *картопля*. Для белоруса *бульба* обладает своего рода «генетической памятью» – напоминает о серии контекстов, где это слово выступает. Вспомнить хотя бы одноименные белорусскую песню и танец, пословицы и поговорки о «другом хлебе», целое «созвездие» родственных дериватов: *бульбачка*, *бульбоўнік*, *бульбаи*, *бульбянішча*, *бульбяны*, *бульбіна*.

Коммуникация предполагает целевое «кому» и предметно-дистрибутивное «что»: – *Я кому сказала! Кому сказать – не поверит*. Ср.: *Кому блин, кому клин. Кому пироги да пышки, а кому синяки да шишки. Кому что, а курице просо*. Такой содержательной предметности нет в ситуации «для кого»: кому что, но для кого – как: *Для кого как, а для меня так. Для меня нет тебя прекрасней!*; бел. – *Чыя дзеці найпрыгажэйшыя? – Мае, – кажа сава. І лупаценькія і кашлаценькія*.

В названии остается след мысли о вещи – то, какой вещь явилась и является для человека.

¹ Ср.: «Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда» – из рассказа А.П. Чехова *Письмо к ученому соседу*.

[...] Слово – не эквивалент чувственно-воспринимаемого предмета, а эквивалент того как (разрядка наша – В.С.) он был осмыслен речетворческим актом в конкретный момент изобретения слова. Именно здесь – главный источник многообразия выражений для одного и того же предмета; так, в санскрите, где слона называют то дважды пьющим, то двузубым, то одноруким, каждый раз подразумевая один и тот же предмет, тремя словами названы три разных понятия [Гумбольдт 1984: 103].

Говорящий может объективировать свой эмоциональный опыт (ср.: *зеленький – зеленый*), элиминировав индивидуальное творческое начало. Однако только в творчестве человек субъективен. Объективированным в слове коллективным опытом привносится единое, но не общее. Искусство по сути антикоммуникативно. «Я вас любил: любовь еще, быть может, В душе моей угасла не совсем...» – признается поэт. *Любил* здесь не сказуемое: *Я* (что делал?) *любил* (?). Мир литературы как искусства слова номинирован и адаптирован для восприятия слушателей и зрителей. Люди искусства также воспринимаются в контексте «для». Так, для нас Чехов, Куприн, Бунин – великие, талантливые писатели.

Знание отдаляет и отчуждает от того, что познается. Начало знания есть сознательное противоположение себя предмету. «Предмет знания с самого начала отрешен от того, что познается. [...] Когда явилась потребность узнать предмет, то, очевидно, что разумение уже считало его чуждым себе...» [Герцен 1948: 143]. Ср.: *Знаю я тебя!* и *Как я тебя понимаю!* *Сказать* – значит по-каз-ать, дать видеть. Сказанное – лишённая смысла видимость: *Все, что видим мы, видимость только одна. Далеко от поверхности мира до дна. Смысла этих картинок понять не пытайся, Ибо тайная сущность вещей не видна* (Омар Хаям).

Глубинную смысловую реальность нельзя увидеть и услышать напрямую. Для нас важна именно эта скрытая сущность, глубинные смыслы, доступные без всякого ментального посредничества. Непосредственный («касательный») опыт Б. Рассел называл «знакомством»; в нем объект предъявлен субъекту, «дан в непосредственном контексте такого опыта» [Павилёнис 1983: 182]. Эта реальность – жизненный мир человека, обладающий очевидностью; царство смыслов и сущностей, интуитивно-достоверных, вечных и непреходящих. Это область того, что известно всем, область уверенностей человека. Э. Гуссерль многократно в своих исследованиях указывает на необходимость различать *то, о чем* говорится (объект), и *то, что* говорится – объект в модусе «как» [Husserl 1976]. Вряд ли возможно, например, определить, что такое любовь, однако кому не знакомо *то, что* так называется. Номинативность – аспект феноменологический.

Некорректно спрашивать «Что это такое?» о том, чему в языке есть название. Вряд ли уместен вопрос «Что это такое?» по отношению к носу, руке, ноге и т.п. Скорее, нас интересует, как называется та или иная часть тела у живых

существ: у человека – *нос*, у птицы – *клюв*, у свиньи – *лыч*. Или взять, к примеру, костюм. Существенно то, что какая-то его деталь называется *рукав*, какая-то – *воротник*, какая-то – *реглан* и т.п. Оказывается, что вопрос «Что это такое?» не подходит к частям, деталям, фрагментам и т.п., составляющим некое целое. Там, где нет понятия «между», не уместен вопрос определения.

Реалиям не требуются определения; они как-то называются. В названии улавливает сущность (лат. *essentia, substantia*) вещи. Под сущностью понимается то, благодаря чему нечто есть то, что оно само по себе есть. Все можно определить и знать, «что это такое», кроме того, что «не все», что «кроме, всего». Оно есть по умолчанию, допускает только риторическое вопрошание: «А что есть Истина?!». Оно есть вне наших мнений, вкусов, словесных определений. «Бытие свидетельствует только о том, что оно есть; меньше, беднее ничего нельзя сказать о предмете, как только то, что он есть» [Герцен 1948: 150].

Парадоксально, однако, путь знания того, что есть – это путь незнания. Мудреца, как известно еще со времен Сократа, делает философом то, что он знает, что ничего не знает. Воплощенная в языке мудрость – это движение от знания к мышлению: «Чем меньше мы знаем, тем больше мы задумываемся. Философия – это движение от знания к мышлению» [Кохан 2014: 12]. Идея всеединства в онтогносеологии С.Л. Франка также восходит к теории незнания [Семенов 2012]. Акт цельного и живого знания тождественен акту переживания. Реальность не подлежит определению. Чем больше ученость человека в незнании, тем ближе он к истине – к достижению «знающего незнания» (Н. Кузанский).

Главным аспектом феномена выступает его несравнимость. Сравнение – универсальный метод познания². Этот метод начинается со сравнения предмета с заранее полагаемым при помощи тех или иных соотношений. Однако этот метод не подходит тогда, когда объект берется не в общем, а в целом. Чтобы сравнить, надо иметь, по крайней мере, два предмета для сравнения. Реальность ускользает как бесконечное от всякой пропорции; следовательно, и всякое исследование, основанное на сравнении, в этой области лишено смысла. Метод постижения феноменального мира в теологии и философии называется *анофатическим* (отрицательным). Этот метод известен также *негативной этике*. Оказывается, что отрицательный образ выражения ближе подходит к истине, чем утвердительный.

Таким образом, кроме объективной действительности, есть еще нечто истинно сущее, что и называется *реальностью*. Она выступает в феномене «живого слова». Феноменологическая парадигма открывает перспективу реального языкознания, уходящего от релятивизма к исследованию воплощения

² Фраза «Все познается в сравнении» приписывается Ф. Ницше и означает, что лучшие и худшие свойства чего-либо познаются в сравнении с другим.

в языке самодостаточного («самого по себе») феноменального опыта человека. Апофатический путь открывает доступ к истине, понимаемой не как соответствие наших представлений действительности, а как подлинность и полнота бытия человека в мире. Любая наука, в том числе и языкознание, только тогда будет реальной, когда станет исследовать то, что есть.

Литература

- Аксаков К.С., 2011, *Опыты русской грамматики*, Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ».
- Бахтин М.М., 1979, *Проблемы поэтики Достоевского*, Москва: Советская Россия.
- Брюсов В.Я., 1903, *Ключи тайн*, http://dugward.ru/library/brusov/brusov_kluchi_tayn.html, дата обращения: 23.09.2017.
- Булюбаш И.Д., 2004, *Руководство по гештальт-терапии*, Москва: Издательство Института Психотерапии.
- Герцен А.И., 1948, Письма об изучении природы. Письмо третье: Греческая философия [в:] Герцен А.И., *Избранные философские произведения*, Любомилова Е.М. (ред.), Ленинград: Государственное издательство политической литературы, с. 138–184.
- Грицанов А.А. (ред.), 2003, *Новейший философский словарь*, Минск: Книжный дом.
- Гумбольдт В. фон, 1984, *Избранные труды по языкознанию*, Москва: Прогресс.
- Делез Ж., 1980, *Лекции о Лейбнице*, <https://www.litres.ru/zhil-delez/lekcii-o-leyb-nice-1980-1986-87>, дата обращения: 27.11.2017.
- Замдеева З.А., 2013, К вопросу о языковой культуре и путях ее сохранения [в:] Нечаев М.П. (ред.), *Котляревские чтения 2013: актуальные вопросы развития филологической культуры в современной России и методики преподавания филологических дисциплин*, Чебоксары: Экспертно-методический центр, с. 51–54.
- Карманова З.Я., 2014, *Феноменологические аспекты содержательной структуры слова*, Калуга: Эйдос.
- Кохан В., 2014, Есть ли место философии в деятельности учителя [в:] Кожевникова М.Н. (ред.), *Учитель наедине с собой*, Санкт-Петербург: Лема, с. 10–16.
- Лосев А.В., 1993, *Бытие. Имя. Космос*, Москва: Мысль.
- Мамардашвили М., 1997, *Психологическая топология пути. Лекции о Прусте*, <https://www.livelib.ru/quote/589840-psihologicheskaya-topologiya-puti-lektsii-o-prustem-mamardashvili>, дата обращения: 29.11.2017.
- Мерло-Понти М., 1999, *Феноменология восприятия*, <http://www.koob.pro/merleau-ponty/>, дата обращения: 27.11.2017.
- Ортега-и-Гассет Х., 1991, Эссе на эстетические темы в форме предисловия [в:] Ортега-и-Гассет Х., *Эстетика. Философия. Культура*, Зись А. (ред.), Москва: Искусство.
- Павилёнис Р.И., 1983, *Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка*, Москва: Мысль.
- Потебня А.А., 1993, *Мысль и язык*, Киев: СИНТО.
- Разанаў А., Нататкі на дубовых лістах [в:] Каваленка В. (ред.), *Вобраз-83*, Мінск: Мастацкая літаратура, с. 151–163.
- Семенюк А.П., 2012, Онтогносеология С.Л. Франка, *Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки*, т. 154, кн. 1, с. 153–165.

- Федоров Н.Ф., 2003, *Философия общего дела*, т. 1, Москва: ООО «Издательство АСТ».
- Федосюк М.Ю., 2015, Концепция В. фон Гумбольдта как возможная методологическая основа лингвистики XXI в. [в:] Шумска Д., Озга К. (ред.), *Язык и метод. Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. Лингвистический анализ на грани методологического срыва*, Краков: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego.
- Ваńkowski A., 2000, Autor o sobie [в:] Mrozowska A. (red.), *Etymologiczny słownik języka polskiego*, Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Husserl E., 1976, Die Krisis der europäischen Wissenschaften und die transzendente Phänomenologie [в:] *Husserliana. Gesammelte Werke*, bd. VI, Den Haag.
- Kiklewicz A., Dębowski J., 2008, Słowo wstępne [в:] Kiklewicz A., Dębowski J. (red.), *Język poza granicami języka. Teoria i metodologia współczesnych nauk o języku*, Olsztyn: Instytut Dziennikarstwa i Komunikacji Społecznej, с. 7–8.